

В. А. Филатова,

Горловский институт иностранных языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет», г. Горловка

ПЕРЕВОД КАЛАМБУРОВ ИЗ ЗАПИСОК Н. А. ДУРОВОЙ «КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА. ПРОИСШЕСТВИЕ В РОССИИ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

У статті розглянуті каламбури із записок Н. А. Дурової та їх переклад на англійську мову, виконаний Мері Флемінг Зірін.

Ключові слова: каламбур, переклад, англійська мова, омонімія, полісемія, паронімія.

В статье рассмотрены каламбуры из записок Н. А. Дуровой и их перевод на английский язык, выполненный Мэри Флеминг Зирин.

Ключевые слова: каламбур, перевод, английский язык, омонимия, полисемия, паронимия.

In the article the puns of N. Durova's notes and their English translation, made by Mary Fleming Zirin are analyzed.

Key words: pun, translation, English, homonymy, polysemy, paronomasia.

Каламбур называют самым трудным и интересным в работе переводчика (С. Кузьмин), непередаваемым в переводе, т.к. буквального перевода можно добиться в виде исключения (С. Влахов, С. Флорин). Заключение Н. Галь о том, что сноска «непередаваемая игра слов» – это «расписка переводчика в собственном бессилии» часто цитируется в научных и литературно-критических статьях [5, с. 163]. Существует мнение, что термин «перевод» при работе с каламбуром неуместен, т.к. переводчик зачастую «не переводит тот оборот, который дается ему автором подлинника, а создает свою игру слов <...> иногда на совсем иной основе и проводимую совсем другими средствами» [3]. Поэтому, более точным можно назвать словосочетание «воссоздание каламбура», употребляемое современными исследователями (Н. Якименко, М. Вотинцевой).

Нельзя не согласиться с тем, что для правильного перевода каламбуров, необходимы совершенное владение обоими языками, опыт, общая культура, чувство юмора, сообразительность, талант [3]. М. Вотинцева выделяет основные ошибки переводчиков при работе с каламбуром. Во-первых, «буквальное воспроизведение семантики элементов ядра, приводящее к нарушению норм языка перевода или к бессмыслице» [4, с. 52]. Во-вторых, «игнорирование информации о потенциально возможном ее получателе и, как следствие, создание каламбура, находящегося вне его понимания» [4, с. 52].

Цель данной статьи – проанализировать перевод каламбуров на английский язык в записках Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица. Происшествие в России», выполненный Мэри Флеминг Зирин «The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars». Под каламбуром мы понимаем игру слов для создания комического эффекта с целью вызвать эмоции у слушателя или читателя.

Записки Н. Дуровой были опубликованы в 1836 году. В. Г. Белинский, анализируя второй том «Современника» заметил: «Странно только, что в 1812 году могли писать таким хорошим языком, и кто же ещё? женщина; впрочем, может быть, они поправлены автором в настоящее время» [2, с. 519]. Не перестаёт восхищаться критик художественным мастерством Н. Дуровой и в 1839 году, после выхода «Добавлений к кавалерист-девице»: «И что за язык, что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей своё прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твёрдостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописною увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию» [1, с. 149].

«Кавалерист-девица. Происшествие в России» переведена на английский язык Мэри Флеминг Зирин (Альтадена, Калифорния) в конце 80-ых годов прошлого века впервые. Область научных знаний переводчицы сосредоточена на творчестве русских писательниц дореволюционного периода. «The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars» не просто пословный перевод записок Н. Дуровой, а серьёзное исследование, включающее анализ источников, имеющих отношение к жизни и деятельности первой русской женщины, решившейся на прижизненную публикацию автобиографических откровений. Переводчице удалось не только передать стиль повествования, но и познакомить англоязычных читателей с русской историей и культурой первой половины XIX века. Как пишет сама Мэри Флеминг Зирин в предисловии к изданию: «I hope that I struck a reasonable balance and that the notes both reflect the joy of the research and help to place Durova in her times and her society» [8, с. xxxii]. Нормы русского языка, характерные для первой половины XIX века, представляли трудность при переводе на английский язык. Поэтому переводчица предупреждает: «To reproduce her spirited prose I have tried to use vocabulary attested in English in the early nineteenth century, but grammar and syntax follow modern norms that seem better representative of what her contemporaries perceived as a brisk, impulsive style» [8, с. xxxi].

Справедливыми можно считать отзывы о работе Мэри Флеминг Зирин, опубликованные на задней обложке книги: «... this first translation is a rare discovery» (The Independent), «... admirable translation» (Times Literary Supplement), «In Mary Fleming Zirin's spirited retelling of an extraordinary story Durova's voice is a modern voice» (Rita Mae Brown, The Los Angeles Times) [8].

Язык записок Н. Дуровой богат эпитетами, сравнениями; содержит галлицизмы, употребление которых было характерно для писателей первой половины XIX века. Дурова, обладающая тонким чувством юмора, прекрасно владеет видом языковой игры, основанном на объединении в одном тексте разных значений одно-

го слова или разных слов, тождественных или сходных по звучанию для создания комического эффекта, т.е. каламбуром, который может быть построен на многозначности слова или всех типах омонимов.

Рассмотрим несколько примеров. Оговоримся, что для правильного понимания каламбура необходимо знание контекста, поэтому цитируются довольно большие отрывки из обоих произведений.

В первых двух случаях каламбур основан на игре слов в разговоре и говорить можно о комичности ситуации в целом. Дурова описывает свой приезд в селение, где её эскадрону была назначена днёвка: «...первый предмет, представившийся мне, был вахмистр в одной рубахе, привязанный у крыльца; сперва я этого не рассмотрела и хотела было отдать ему свою лошадь; но, увидя наконец, что он привязан, привязала также и свою лошадь. «**За что** тебя привязали?» –спросила я бедного узника. «Ведь вы видите, что **за руки**», – отвечал он грубо [6, с. 512].

В переводе: «The first object that met my eyes was the sergeant-major, wearing nothing but a shirt and roped to the porch. At first I did not notice it and tried to hand him my horse. Then at last I saw that he had been tied there and tied up my horse, too. «**How do you come to be tied there?**» – «You can see for yourself, **by the arms**» [8, с. 170].

Комический эффект в данном случае заключается в смысловом контрасте одинаково звучащих слов в вопросе и предполагаемом ответе (наказание, провинность/ часть тела). Переводчица, чтобы выразить раздражение говорящего, использовала часто употребляемый сленг для эмоциональной окраски и сохранила каламбурный характер разговора.

Дурова считала заготовку продовольствия и фуража «довольно щекотливым» поручением [6, с. 456], т.к., забирая у местных жителей продовольствие, военные оставляли не деньги, а квитанции. В записках есть глава, посвящённая фуражировке, где описывается, как они собирали овёс у населения в Польше. «Наконец хозяин возвратился; узнал причину моего приезда, покачал головою, пожал плечами: «Ну, если я не дам под расписку вашу овса, **что тогда?**» – «Тогда у меня **не будет его**»», [6, с. 460].

Перевод: «At last my host returned. When he learned the reason for my visit, he shook his head and shrugged his shoulders, «Well, if I don't give you my oats against your voucher, **what then?**» «Then **I won't have them**» [8, с. 123].

В следующих двух примерах каламбур построен на многозначности слов. Однажды во время обеда в доме униатского священника хозяйка, узнав, что бабка Дуровой по отцовской линии была шведкой, стала хвалить шведов за их храбрость, правоту, твёрдость. В это время, подали любимое блюдо хозяина дома – «гречневую кашу, облитую сверху салом и усыпанную выжаренными кусочками этого же самого сала» [6, с. 449]. В Польше это блюдо, как пишет Н. Дурова, «не знаю уже для чего и почему», называют «шведами» [6, с. 449]. Священник, которому не нравилось поведение жены, кокетничающей с молодым уланом, схватил блюдо, «поставил его перед собою и с испуганием стал бить ложкою по этим безвинным кусочкам, приговаривая: «Не люблю **шведов!** не люблю **шведов!**» [6, с. 449].

Английский вариант: «My hostess began extolling the Swedes, praising to the skies their courage and firm and upright character. My host was becoming visibly impatient. To my woe, just then his favorite dish was served, buckwheat kasha with melted lard on top and fried bits of the same lard scattered over it. I don't know how and why, but in Poland these are called *swedes*. My host seized the dish, set it down before him, and in a frenzy began hitting those innocent bits with his spoon, saying over and over again, «I don't like **swedes!** I don't like **swedes!**» [8, с. 114].

В данном случае, каламбур в английском тексте лучше воспринимается на слух, т.к. переводчица сохраняет правила правописания и в отличие от русского варианта национальность «the Swedes» написана с заглавной буквы.

Во втором примере обыгрывается слово французского происхождения (cotillon), которое есть как в русском, так и в английском языке и было понятно для представителей двух культур в начале XIX века. Первая часть записок Дуровой заканчивается разговором военных о неожиданном приказе «выступить в двадцать четыре часа!» [6, с. 446] после весёлого времяпровождения. «... все ещё раздаётся в ушах наших звук последнего котильона. «Ну, хорошо! А вот теперь начнём **котильон**, которого фигуры будут, по-видимому, довольно трудны...» [6, с. 447]. Поведение главного танцора старинного танца похоже на поведение армейского командира, поскольку, как известно, разнообразие котильона зависело от ведущей пары, т.к. именно ведущий кавалер давал сигнал оркестру, громко называя фигуры, следил за согласованностью движения пар.

Перевод: «We said that the sound of the last cotillon was still ringing in our ears. «Well, that's all very well, but now we're beginning **a cotillion** whose figures will apparently be rather difficult» [8, с. 111].

Рассмотрим каламбур, в котором обыгрывается сходство в звучании и частичном совпадении морфемного состава слов, т.н. паронимазия. Описывая молодую майоршу, которая после замужества изменилась до неузнаваемости, «выросла и потолстела», Дурова называет её богатырём **Добрынею** и добавляет, что муж, восхищаясь её ростом и полнотою, «говорит всем, кто хочет его слушать: «Моя Сашенька раз**добрела!**» [6, с. 549].

В переводе: «Looking at her, I couldn't believe my eyes. How could she in such a short time, have become such a real *bogatyr Dobrynia*? I call her that, because K., enraptured by her height and weight, tells everyone who will listen to him, «My Sasha has gotten **nicely stout**» [8, с. 203].

Переводчица, учитывая различия в восприятии и знаниях читателей оригинала и перевода, не воспроизводит каламбур на английском языке, а использует подстрочное объяснение: «Dobrynia is one of the heroes [*bogatyri*] of Russian epic songs; Durova is making a pun on the root *dobr-* [good, nice] in that name and the verb *razdobret'* [to put on weight]» [8, с. 203]. Стоит заметить, что в самом начале книги, переводя фразу «Но увы! это не сын, прекрасный, как амур! это дочь, и дочь **богатырь!**!» [6, с. 324], Мэри Флеминг Зирин в подстрочном объяснении даёт англоязычным читателям значение слова «богатырь»: «*Bogatyrs* were the warrior heroes of the Russian epic songs called *byliny*» [8, с. 2].

В данном случае, на наш взгляд, подстрочное объяснение, а не воссоздание каламбура – удачное решение переводчицы, т.к. в основе данного каламбура лежит имя собственное (говорящее, значащее, смысловое) имя

героя русского фольклора понятное для представителей русской культуры, эквивалента которому нет в английском языке.

Итак, мы рассмотрели примеры каламбура в записках Н. А. Дуровой, основанные на полисемии, омонимии, паронимии и их перевод на английский язык. В первых двух случаях переводчица прибегает к пословному переводу. Два вторых примера сохраняют каламбурный характер в переводе, т.к. в их основе лежат многозначные слова, понятные представителям двух культур. В примере, построенном на полисемии, переводчица не сочиняет новый каламбур, а использует подстрочное объяснение, где указывается и объясняется смысл русской шутки. В связи с рассмотренными примерами возникает ещё одна проблема – проблема восприятия юмора представителями разных культур и разных эпох.

Литература:

1. Белинский В. Г. Записки Александра (Дуровой). Добавление к Девице-Кавалерист / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти томах. – М. : АН СССР, 1953 – 1959. – Т. 3: Статьи и рецензии 1839-1840 годов. Художественные произведения («Пятидесятилетний дядюшка»). – 1953. – С. 148-157.
2. Белинский В. Г. Вторая книжка «Современника» / В. Г. Белинский // Собрание сочинений в 9-ти томах. – М. Худож. лит., 1976-1982. – Т. 1: Статьи, рецензии и заметки 1834-1836 гг. Дмитрий Калинин. – 1976. – С. 516 – 520.
3. Влахов С. «Непереводимое в переводе». Перевод и воспроизведение каламбуров [Электронный ресурс] / С. Влахов, С. Флорин. – Режим доступа : <http://www.rodichenkov.ru/Perevodovedenie/untranslatable/>
4. Вотинцева М. Л. К проблеме перевода омонимичного каламбура / М. Л. Вотинцева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 25 (64). – № 1. Часть 1. – С. 50-54.
5. Галь Н. Слово живое и мёртвое. Из опыта переводчика и редактора / Н. Галь. – 3-е изд., доп. – М. : Книга, 1980. – 208 с.
6. Давыдов Д. В. Стихотворения. Проза. Дурова Н. А. Записки кавалерист-девицы / Д. В. Давыдов, Н. А. Дурова. – М. : Правда, 1987. – 649 с.
7. Кузьмин С. С. Самое трудное и интересное, что выпадает на долю переводчика, это перевод каламбуров [Электронный ресурс] / С. С. Кузьмин. – Режим доступа : http://socialtranslation.ru/article.php?article_id=599
8. Nadazhda Durova. The Cavalry Maiden. Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars. Translation, Introduction, and Notes by Mary Fleming Zirin. – Indiana University Press. Bloomington and Indianapolis. – 1989. – 242 p.